

О ФОРМАХ И СОДЕРЖАНИИ ПРАВСТВЕННОГО НАЗИДАНИЯ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ И ДЕТСКИХ КНИГАХ ДЛЯ ЧТЕНИЯ (XVI — НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Часть II

Корзо Маргарита Анатольевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этики. Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Электронная почта: korzor@zmail.ru

Аннотация: Данная статья представляет собой вторую часть исследования о роли учебной литературы и адресованных детям книг для чтения в процессах изменения нравственного сознания и поведения ранненовременного общества. Анализ нравственного наизидания в данной книжной продукции на протяжении XVI — начала XIX века выявил постепенный отказ от преобладания нравственно-негативного (то есть черт характера, которые надо было искоренить и поступков, которых надлежало избегать), что получило свое выражение в численном доминировании примеров достойного подражания поведению. На смену апелляции к страху Божьему, как главному стимулу добродетельного

Статья подготовлена в рамках коллективного гранта РФФИ «Моральная философия раннего Нового времени: ключевые характеристики, основные идеи и тенденции». Грант № 18-011-00297.

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

поведения, постепенно приходит обращение к голосу совести ребенка, а также идея неотвратимости вознаграждения и наказания уже в повседневной жизни. Появление в учебной литературе тематических блоков «порядок» и «обязанности»; гражданских добродетелей; превозношение добродетелей самодисциплины, трудолюбия и бытового аскетизма отражало влияние философских идей эпохи Просвещения, что сближает школьные учебники с другими жанрами детской литературы (детские периодические издания конца XVIII века) и с пестрой по содержанию книжной продукцией, распространявшейся в Европе в рамках движения народного Просвещения.

Ключевые слова: нравственное назидание, школьный учебник, раннее Новое время, поучительные сентенции, «таблицы» обязанностей, правила приличия, визуализация нравственных предписаний.

Ссылка для цитирования: Корзо М.А. О формах и содержании нравственного назидания в школьных учебниках и детских книгах для чтения (XVI – начало XIX века). Часть II // Человек. 2020. Т. 31, № 4. С. 147–164. DOI: 10.31857/S023620070010935-5.

В первой части настоящего исследования мы рассмотрели основные формы подачи нравственно-назидательного материала в школьных учебниках и книгах для чтения раннего Нового времени, их жанровую специфику и возможные источники. Данные формы (моралистические сентенции, «таблицы» обязанностей, правила приличия, поучительные рассказы, визуальные изображения нравственных предписаний) восходят генетически к разным традициям и жанрам, и были не всегда равноценны по объему, не всегда были представлены в учебной литературе в «чистом» виде. Во второй части исследования будет проанализировано конкретное содержание нравственного назидания определенных разновидностей школьной литературы. При этом мы ограничимся лишь констатацией доминировавших тематических блоков и сюжетов, а также способов рассуждения о добродетелях и пороках, которые позволяют говорить именно о ранненовременной специфике анализируемого нравственного наставления.

Содержание нравственного назидания в учебной литературе

На протяжении всего анализируемого нами периода не утрачивала своего значения форма абстрактных постулатов и императивов

как в негативной форме («не лги», «не бери чужого», «не играй с плохими детьми»), так и в виде позитивных предписаний («будь боязливым», «слушай родителей и наставников», «помогай сверстникам»). В популярном почти на протяжении полутора столетий британском букваре, составленном в 1690 году для американских колоний, подобного рода назидания оформлены в лаконичных и легко запоминающихся стишках, например:

«Общайся с немногими / Дружи с одним / Поступай справедливо со всеми / Не говори ни о ком дурного» (Have communion with few / Be intimate with one / Deal justly with all / Speak evil of none) [27].

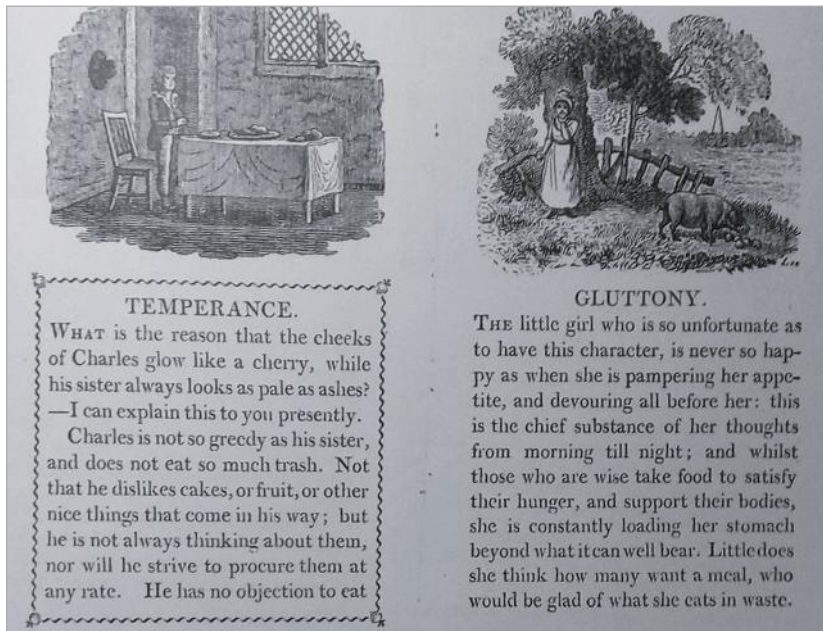
В качестве универсального правила добродетельной жизни зачастую приводится «золотое правило» — как в его буквальном звучании, так и, например, в виде принципа благоразумия: «и с собой, и с другими поступать так, чтобы и тебе самому, и другим не было плохо, но хорошо» [28, с. 2]. Критерием оценки поступков все чаще выступает голос разума («поступай, как разум велит, а не так, как тебе хочется» [29, с. 81, 88]).

По мере все более широкого распространения в учебной литературе поучительных рассказов, начинает доминировать ситуативный анализ проявлений добродетели и порока, или своего рода нравственные кейсы. Теоретики педагогики были единодушны в том, что абстрактные нравственные правила воспринимаются детьми плохо; они усваиваются гораздо лучше тогда, когда подаются в форме наглядных поучительных примеров — как дурных (служащих предостережением), так и положительных (в качестве образца для подражания). Подобный подход вырос из многовековой европейской традиции, восходящей к античной риторической практике (сборники кратких нравоучительных историй Валериана Максима, Корнелия Непота, др.) и получившей свое развитие в нравоучительных «*exempla*» средневековых и ранненовременных проповедников, в жанре «зерцал» добродетелей и пороков для различных социальных групп и состояний [18, с. 153].

Поскольку считалось, что поведение ребенка на определенных этапах его развития выстраивается по принципу подражания, то детские поучительные рассказы создавались как собрание «идеальных» поведенческих моделей почти на все случаи жизни, которые детям надлежало копировать в конкретных житейских ситуациях. Здесь прослеживается стремление не просто информировать ребенка о том, что хорошо, а что плохо, но модифицировать и моделировать его поведение [26, с. 77]. Повторение одинаковых историй, часто с большей конкретизацией деталей, способствовало лучшему запоминанию предлагавшихся моделей [25, с. 137, 141; 26, с. 87]. Лучшему усвоению помогала и однозначность оценки

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть II

ВРЕМЕНА.
НРАВЫ.
ХАРАКТЕРЫ

Параллельное изображение порока и добродетели (Take Your Choice. 1802)

описываемых сценок из повседневной жизни, которая проговаривалась уже в названиях: «невнимательный ребенок», «упрямый ребенок», «ребенок, который знает свои обязанности по отношению к братьям и сестрам», «правдолюбивый ребенок» [36]. Иногда использовался прием контраста или параллельного изображения добродетели (например, умеренности в еде) и порока (склонности объедаться); для правильной расстановки акцентов описание достойного подражания поступку могло обводиться в рамочку, как, например, поступили издатели английской книги для чтения «Take Your Choice: or, the Difference Between Virtue and Vice, Shown in Opposite Characters» (1802) [11, с. 143].

Создавались также книги для чтения, содержащие образцы нравственно достойного образа жизни для представителей различных социальных и профессиональных групп. Так, немецкий педагог Фридрих Эбергард фон Рохов (1734–1805), составивший книгу для чтения преимущественно для учеников сельских школ, вводит в качестве персонажей своих историй представителей профессий, связанных в первую очередь с сельскохозяйственным трудом [30; 31].

Простого описания добродетельных и порочных поступков было, конечно, недостаточно для того, чтобы дети стали копировать правильные модели поведения. В качестве главного мотивирующего средства выступала неотвратимость последствий любых

Девочка и терновый куст (Weiße Ch.F. Neues A, B, C, Buch. 1773)

поступков, которые могли быть как сиюминутными, так и отложенными во времени и даже перенесенными в относительно далекое будущее. За дурное поведение ребенок неминуемо расплачивается наказанием, которое может выражаться в форме причинения себе вреда (ушибы, порезы); порицания со стороны и взрослых, и сверстников; лишения провинившегося определенных прав (на десерт, игры, прогулки, общение со сверстниками); в различных формах психологического давления. В отдаленной перспективе даже единожды совершенный дурной поступок может привести к плохой репутации, к исключению из общества из-за ставшей чертой характера лживости и нежелания повиноваться (представителям власти, работодателю, др.), к нищете, которая выступает прямым следствием лени. Еще более драматичные последствия могут быть у тех дурных поступков, которые входят в привычку, поскольку во взрослом состоянии невозможно избавиться от приобретенных в детстве дурных склонностей. Так, мальчик из рассказа «Маленький притворщик» старался в присутствии взрослых вести себя примерно, но за их спиной предавался всевозможным шалостям. Эта двуличность так укоренилась в его натуре, что ему в жизни больше никто и никогда не доверял [36, с. 41–42].

За хорошими поступками с такой же неотвратимостью следует вознаграждение в форме личного удовлетворения от исполненных обязанностей (по отношению к себе, родителям, наставникам, др.), обоснованной гордости, общественного признания — как со стороны взрослых, так и сверстников; в будущем такие приобретенные в детстве качества, как трудолюбие и усердие вознаграждаются возможностью найти достойное место службы, материальным достатком, а для девочек — удачным замужеством. Для большей

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть II

в очень конкретную форму — как, например, в рассказе о старосте деревни Гансе, который следил за порядком в деревне, терпеливо сносил все насмешки и издевки ее жителей, не желавших соблюдать установленные правила. Лишь со временем, после череды конфликтов и затронувших всех проблем, члены общины пришли к пониманию, что Ганс был прав и порядок всем на благо («Кроткий человек» [31, с. 57–58]).

Другая принципиальная для учебной литературы тема — это тема обязанностей. Благом для человека является исполнение им своих обязанностей; пренебрежение ими — величайшее зло. С такого рассуждения начинается учебник для I–III классов народных школ польского пиариста Антония Поплавского (1739–1799) [28, с. 1]. Нравственное назидание через призму обязанностей присутствует в XVIII веке в учебной литературе разных национальных традиций (в российской, например, это выражается в высокой частотности слов «должность» и «должен» [7, с. 67]) и адресованной ко всем возрастным группам, хотя и в несколько разной форме.

В учебниках для совсем маленьких детей бесполезно искать каких-либо теоретических рассуждений на эту тему. Но обращает на себя внимание частое употребление слов «обязанность» и «долг». Отношения детей с родителями и сверстниками характеризуются не столько с помощью понятия «любовь», сколько «обязанность»: так, например, послушание — это первичная обязанность ребенка по отношению к родителям [14, с. 132–134]). В песенке «Счастье ребенка» устами самого ребенка объясняется, почему он счастлив: «Я делаю, что я должен» [36, с. 77]; в песенке для мальчиков «Долг» утверждается, что «осознание исполненного долга — это как хвалебная песнь, которую поет нам наше сердце» [14, с. 123–124]. Добродетельный ребенок — это такой ребенок, который знает и выполняет свои обязанности. В учебной литературе можно также встретить акцент на принципе взаимности: не только ребенок имеет обязанности по отношению к другим, но и ему со стороны этих других — родителей, братьев и сестер, учителей, сверстников многое причитается [28, с. 12]. Это «причитающееся» авторы учебных книг еще не называют правами ребенка, хотя содержательно данные понятия очень схожи.

Для детей постарше и подростков обязанности выступают структурообразующими единицами соответствующих разделов в учебниках и самостоятельных изданий под названием «Нравственная наука», которые становятся одной из визитных карточек учебной литературы эпохи Просвещения. «Нравственная наука» также превращается в самостоятельную школьную дисциплину, задача которой состояла в том, чтобы дети узнали, что

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть II

такое обязанности и каково их содержание в конкретных жизненных ситуациях [17, с. 5].

Независимо от конфессиональной принадлежности, данные разделы или учебные пособия выстраиваются по схеме тройственных обязанностей — по отношению к Богу, самому себе и ближнему. Это замечание справедливо и для учебников, создававшихся только для девочек [29]. Такое членение обязанностей обосновывается тройкой адресованностью любви в евангельской заповеди «Возлюби Господа Бога твоего <...> возлюби ближнего твоего, как самого себя» [23, с. 215]. При этом, как и в религиозно-назидательных сочинениях той эпохи, обязанности по отношению к себе первичны перед обязанностями по отношению к другим людям. Из общих тенденций можно отметить постепенное смещение характерного для предшествующей эпохи преимущественного акцента на том, что человек должен Богу, хотя только в единичных случаях можно говорить о полном исключении из рассмотрения данной категории обязанностей. Мы остановимся только на второй и третьей группах.

Во многих сборниках поучительных историй обязанности (как это было и в случае с конкретными добродетелями и пороками) рассматриваются преимущественно через призму конкретных ситуаций или своего рода нравственных кейсов. Так поступает, например, составитель книги для чтения для учеников сельских школ фон Рохов. Обширную подборку примеров из повседневной жизни он обобщает замечанием, что обязанности по отношению к себе состоят в стяжании добродетелей, а по отношению к другим — в стремлении сделать людей счастливыми или, по крайней мере, в стремлении делать все возможное, чтобы не причинять им вреда [30, с. 118, 147].

Какие-то элементы теоретического рассуждения присутствуют преимущественно в упомянутых выше разделах или самостоятельных пособиях под общим названием «Нравственная наука». Как и в учебных пособиях XVI века, обязанности по отношению к самому себе состоят в совершенствовании души и заботе о теле. В XVIII веке к ним добавляется обязанность достижения внешнего благополучия. Поскольку душа состоит из разума и воли, то обязанности по отношению к ней распадаются на две группы. По отношению к совершенствованию разума первичной обязанностью выступает познание самого себя (своей природы, склонностей, слабостей и сильных сторон, талантов) и познание всего того, что важно и полезно для достойной человеческой жизни (например, получение общего образования или специальных профессиональных знаний). Совершенствование воли означает научиться любить себя. Любовь к самому себе понимается как стремление к счастью,

но лишь такое стремление, которое руководствуется принципом благоразумия. Воля совершенствуется также целенаправленным формированием положительных склонностей и черт характера [17, с. 60; 33, с. 42–59].

Забота о теле подразумевает заботу о жизни (например, избегание излишних опасностей) и о здоровье, разумное удовлетворение потребностей тела в питании, тепле, физических нагрузках, отдыхе. Здесь же рассматриваются нормы цивилизованного поведения не только в обществе других людей, но и наедине с самим собою [17, с. 67–95; 33, с. 59–102]. В отдельных учебниках правила внешнего поведения изымаются из обязанностей по отношению к самому себе и оформляются в качестве самостоятельных разделов. Так, например, поступил педагог и пиарист Антоний Максимилиан Прокопович (1738–1807) в подготовленном им учебнике для девочек и их наставниц [29, с. 91–114]. Аналогичные тенденции присутствуют и в кириллических букварях: к изданию львовского Ставропигийного Института (1790) подшита «Политика свецкая», в которой подробно говорилось о «пристойном уложении тела, о способе захованя при столе, о хождении, як принадлежит с людьми обходитися, о мове и размовах» [2, с. 44об.–52об.].

Достижение внешнего благополучия было естественной составляющей стремления к достижению счастья уже в этой — посюсторонней жизни. Речь шла в первую очередь об овладении достойной профессией, о совершенствовании специальных или полезных в повседневной жизни навыков, о принципах экономного и благоразумного ведения домашнего хозяйства, о выборе достойных друзей и круга общения [33, с. 103–121].

Структура обязанностей по отношению к ближнему повторяла структуру обязанностей по отношению к самому себе. Забота о теле включала защиту жизни и здоровья другого; совершенствование души подразумевало познание мира и других людей, их природы, склонностей и потребностей, а также императив возлюбить ближнего или научиться уважать достоинство другого человека и способствовать его жизненному благополучию. Именно в контексте обязанностей по отношению к ближнему в учебниках появляется понятие специальных социальных обязанностей или взаимных обязанностей родителей и детей, супругов, работодателей и работников, представителей власти и подданных — или восходящая еще к катехизису Лютера «домашняя таблица» [17, с. 139–148].

Содержательному анализу того, что значит способствовать благополучию другого, уделялось зачастую значительное внимание. Это означало в первую очередь не причинять ущерба его правам, репутации и имуществу (провозглашается, например,

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть II

неприкосновенность частной собственности [33, с. 143]), поскольку именно такое отношение соответствует справедливости. В отдельных католических учебниках данный раздел выстраивался как достаточно подробный перечень случаев несправедливости и нанесения ущерба и по форме напоминал перечни грехов в пособиях для подготовки к таинству исповеди [15, с. 21–24]. Апелляция именно к справедливости объясняет появление в контексте обязанностей по отношению к ближнему пространственных рассуждений о формах и условиях возмещения ущерба [17, с. 129–134]. Но способствовать благополучию другого означало и стремление по возможности улучшить условия его жизни, помочь в преодолении материальных трудностей — иными словами отнестись к ближнему милосердно. Несмотря на то, что в отличие от религиозно-назидательной литературы предшествующих эпох, в учебниках эпохи Просвещения заметна тенденция уравновесить значение данных добродетелей или, иными словами, сделать равноценными негативные и позитивные обязанности, справедливость всегда предшествовала милосердию: «Всякому юноше, — как гласил двуязычный польско-русский букварь 1797 года, — предлежат два великие пути: первый справедливости, второй любви к ближнему» [16, с. 37]. И в поучительных рассказах для самых маленьких милосердное отношение к другим (в том числе и к домашнему скоту, и животным) трактовалось в первую очередь как одно из проявлений справедливости («Конь и его неблагодарный хозяин» [9, с. 25–27]).

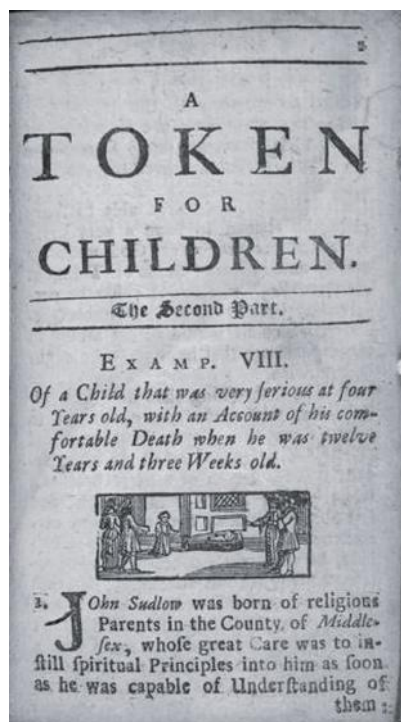
С темой обязанностей была тесно связана и тема социального измерения индивидуальных пороков и добродетелей. Ребенок предстает не просто индивидом, но частью социального целого; его счастье неотделимо от благополучия других, и он в определенной степени несет ответственность за общее благо [32, с. 59]. Как бесполезно практиковать добродетель в одиночестве (она не приносит пользы ни самому человеку, ни другим), так и дурные склонности и пороки вредят не только самому человеку, но имеют и социальное измерение — они способны разрушить социальное общежитие, поскольку люди «связаны узами взаимных потребностей и взаимной помощи, но также равным участием во всех выгодах [общественной жизни]» [28, с. 16, 31; 35, с. 24]. Даже пренебрежение обязанностями по отношению к самому себе способно нанести урон общему благу: и силы, и здоровье человека являются общественным достоянием, поскольку только здоровый человек может быть полезен другим [15, с. 30].

Помимо новых тематических блоков, в учебной литературе эпохи Просвещения начинает акцентироваться ряд добродетелей, которые раньше или отсутствовали, или занимали далеко

не центральное место. Речь идет, в частности, о гражданских добродетелях. В учебниках, построенных по модели «Spruchbuch», они помещались среди прочих назидательных сентенций, или обособлялись в самостоятельных разделах под названием «Гражданское начальное учение». Акцентирующие гражданские добродетели поучительные рассказы встречались чаще всего в литературе для мальчиков. Так, Бурман в своем сборнике детских нравоучительных песенок помещает песни «Любовь к Отчизне» и «Желание стать настоящим человеком» именно в подборку текстов для мальчиков [14, с. 88, 105–106]. Здесь добродетельный ребенок и хороший (будущий) гражданин неотделимы друг от друга, выступают как две стороны одной медали. Одним из критериев истинного гражданина (равно как и критерием добродетельного человека) является выполнение им своих обязанностей («Желание стать настоящим человеком» [14, с. 88]). Аналогичные акценты присутствуют и в российской учебной литературе екатерининских времен: «Добрый гражданин есть тот, который выполняет с точностью все гражданские обязательства; домашняя: яко сын, яко брат, яко муж, яко отец, яко получающий услуги, или яко отправляющий служение по состоянию, в котором находится; общественная: яко в обществе живущий; и дружеская: яко друг и яко добрый сосед» [4, с. 78].

Формирующееся буржуазное общество активно пропагандировало определенный набор ценностей, которые находили свое отражение и в детской учебной литературе: бытовой аскетизм (умеренность в пище и бытовых удобствах), самоконтроль и самодисциплина (благоразумное распределение внимания между играми и помощью взрослым по хозяйству), рациональное использование времени [12, с. 136; 17, с. 93; 22, с. 78; 37, с. 67–78]. Значительное внимание уделялось трудолюбию, и положительные герои в нравоучительных рассказах всегда заняты какой-то работой — как физической, так и умственной. Труд обладает значительной нравственной ценностью: «Человек трудолюбивый встает рано, а ложится поздно; его разум всегда в размышлении, а тело в движении, чрез что он приобретает и сохраняет не только здравие, счастье и имение, но и самую добродетель», — поучает детей составитель российской «Азбуки церковной и гражданской» (1768) [1, с. 34]. Сподвигнуть детей к труду авторы учебной литературы пытались с помощью идеи неотвратимости воздаяния в будущей — взрослой жизни («Усердие редко остается без вознаграждения» [30, с. 84]), но и убеждением, что труд ценен сам по себе, он «делает жизнь приятной» (песня «Труд» [14, с. 118–119]), а человека — счастливым («Ребенок, ставший счастливым» [36, с. 77]). Не последним аргументом в пользу ценности трудолюбия была

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть II

Подарок для детей. A Token for Children. 1671

Просвещения), религиозная компонента в учебной литературе полностью не исчезает. Данное замечание справедливо как для западноевропейской книжной продукции [26, с. 33], так и для российской [6, с. 198]: и в XVIII веке нравственно-назидательный раздел учебников зачастую начинается с ветхозаветной сентенции «Начало премудрости — страх Господень» (Притч. 1:7). В учебной литературе продолжают присутствовать сюжеты о посмертном воздаянии, о достойной смерти и о необходимости готовиться к ней с юных лет («Быстротечность жизни» [14, с. 25–26]). В книгах нравоучительных историй приводятся примеры благочестивой и радостной смерти детей [31, с. 61–62], примеры детей-мучеников за веру. Создаются даже

тематические сборники на эту тему, одним из которых была необычайно популярная, переводившаяся на многие языки книга «Подарок для детей» (A Token for Children, 1671) английского пие-тиста Джеймса Джейнвэя (1636–1674) [19]. В основу сборника были положены биографические истории детей, которых автор знал лично и многие из которых скончались в детские или подростковые годы.

Изменение удельного соотношения религиозного и светского содержания проявляет себя также и в том, что доминировавшая до конца XVII века религиозная мотивация добродетельного поведения (вера, страх Божий) [26, с. 33], дополняется на протяжении XVIII века (хотя и не вытесняется полностью!) мотивацией вне-религиозной. Помимо упомянутой выше идеи ответственности каждого за общее благо, страха утраты чести и доброго имени, неотвратимости поощрения за добродетельное поведение и наказания за порочное, в учебниках и книгах для чтения все чаще появляется тема совести: она (наряду с Богом) становится важной контролирующей инстанцией и от ее осуждающего голоса невозможно спрятаться («Когда ты один, то помни о том, что Бог и твоя совесть всегда с тобой» [36, с. 20]). Угрызения совести называются

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть II

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

в ряду прочих неотвратимых последствий дурных поступков и предстают не менее разрушительными для человека, чем телесные невзгоды, материальные затруднения, утрата доброго имени и т.п. [12, с. 122], а чистая совесть предстает одной из значимых ценностей [14, с. 23]. Апелляция к совести присутствует и в обосновании норм достойного поведения, которым надлежит следовать не только в обществе других людей, но и наедине с самим собою. Аналогичные тенденции заметны и в российских букварях к XVIII веку [4, с. 80; 6, с. 200].

Описанные выше особенности, а также изменения в содержании нравственного назидания в учебной литературе, были навеяны эпохой Просвещения, стали отражением философской и общественной мысли того времени. Схожие процессы были характерны также и для других разновидностей детской литературы и в первую очередь — для периодических изданий («Лейпцигский еженедельный листок» и «Друг детей» в Германии, «Детское чтение для сердца и разума» Н.И. Новикова в России, др.) [24, с. 288–290; 35, с. 23–24], а также и для многочисленной и разножанровой книжной продукции, распространявшейся в Европе в рамках движения народного Просвещения (нем. *Volksaufklärung*) [12], и для нравоучительной литературы в России XVIII века [3, с. 155–156].

Литература

1. [Барсов А.А.] *Азбука церковная и гражданская, с краткими примечаниями о правописании*. М.: тип. Императ. Московского ун-та, 1768.
2. *Букварь языка славенского*. Львов: Ставропигийный Институт, 1790.
3. Добряк И.В. *Нравоучительная литература в России рубежа XVII–XVIII вв.* СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2019.
4. [Екатерина II]. *Российская азбука для обучения юношества чтению, напечатанная для общественных школь по Высочайшему повелению*. СПб.: Императорская АН, [1782].
5. Корзо М.А. О формах и содержании нравственных предписаний в католической назидательной литературе раннего Нового времени // *Человек*. 2018. № 6. С. 114–129.
6. Кошелева О.Е. Светские и религиозные компоненты в российской учебной литературе эпохи Просвещения // *Западноевропейская и российская учебная литература XVI – начала XX вв. (конфессиональный аспект)* / ред. Л.В. Мошкова, В.Г. Безрогов. М.: Издат. Центр ИЭТ, 2013. С. 191–216.
7. Кудрявцева Е.Б. *Для сердца и разума: Детская литература в России XVIII в.* СПб.: Нестор-История, 2010.
8. Школьные пособия раннего Нового времени: от Часослова к *Orbis sensualium pictus*. Коллективная монография / ред. К.А. Левинсон, Ю.Г. Куровская, В.Г. Безрогов. М.: Памятники исторической мысли, 2017.
9. [Янкович де Мириево Ф.И.] *Российский букварь для обучения юношества чтению*. СПб.: тип. П. Брейтколфа, 1788.
10. *Das ABC cum Notis variorum*. Leipzig; Dresden: J.Ch. Mieth, 1695.

11. *Alderson B., de Marez Oyens F.* Be Merry and Wise. Origins of Children's Book Publishing in England, 1650–1850. New Castle: OAK Knoll Press, 2006.
12. *Alzheimer-Haller H.* Handbuch zur narrative Volksaufklärung. Moralische Geschichten 1780–1848. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2004.
13. *Barth S.* Jungfrauenzucht: Literaturwissenschaftliche und pädagogische Studien zur Mädchenerziehungsliteratur zwischen 1200 und 1600. Stuttgart: M. & P. Verlag, 1994.
14. *Burmann G.W.* Kleine Lieder für kleine Mädchen, und Jünglinge. Berlin: G.I. Decker, 1777.
15. *Elementarz dla szkół parafialnych narodowych.* Kraków: Szkoła Główna Koronna, 1785.
16. *Elementarz dla uczenia młodzieży czytać po Rossyisku i po Polsku.* Berdyczów: Karmelici Bosi, 1797.
17. *Galle A.* Populäre Moral der christlichen Religion. Wien: s.n., 1813.
18. *Helmers H.* Geschichte des deutschen Lesebuchs in Grundzügen. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1970.
19. *Janeway J.* A Token for Children: being an Exact Account of the Conversion, Holy and Exemplary Lives, and Joyful Death of several Young Children. Worcester: James R. Hutchius, 1785.
20. *King P.* The Ideology of Order. A Comparative Analysis of Jean Bodin and Thomas Hobbes. London: Frank Cass Publ., 1999.
21. *Kleinknecht K.D.* Gute Exempel für die zarte Jugend, das ist: Eine ganz neue Sammlung auserlesener Exempel frommer Kinder. Augsburg: Ph.L. Klaffschenckel, 1743.
22. *Kuhn A.* Tugend und Arbeit. Zur Sozialisation durch Kinder- und Jugendliteratur im 18. Jahrhundert. Berlin: Basis, 1975.
23. *Lehrbuch der Christlichen Religion zum Gebrauche in Kirchen und Schulen.* München: J. Lentner, 1807.
24. *Martens W.* Die Botschaft der Tugend. Die Aufklärung im Spiegel der Deutschen moralischen Wochenschriften. Stuttgart: J.B. Metzler, 1968.
25. *Moore C.N.* “Gottseliges Bezeugen und frommer Lebenswandel”. Das Exempelbuch als pietistische Kinderlektüre // Das Kind in Pietismus und Aufklärung / Hrsg. von J.N. Neumann, U. Sträter. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen; Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2000.
26. *Moore C.N.* The Maiden's Mirror. Reading Material for German Girls in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987.
27. *The New England Primer 1777.* URL: <https://www.sacred-texts.com/chr/per/1777/> (дата обращения 18.04.2020).
28. *Popławski A.* Nauka moralna dla szkół narodowych. Kraków: Szkoła Główna Koronna, 1790.
29. *Prokopowicz A.M.* Sposob nowy nayłatwieyszy pisania y czytania razem dla panienek z przypisami dla nauczycielek. Kraków: Anna Dziedziczka, 1790.
30. *von Rochow F.E.* Der Kinderfreund. Ein Lesebuch zum Gebrauch in Landschulen. Teil. 2. Frankfurt: bei Eichenbergischen Erben, 1779.
31. *von Rochow F.E.* Der Kinderfreund. Ein Lesebuch zum Gebrauch in Landschulen. Teil 1–2. Nürnberg: E.Ch. Grattenauer, 1791.
32. *Schnabel-Schüle H.* Kirchengzucht als Verbrechensprävention // Zeitschrift für historische Forschung. 1994. Beiheft 16. S. 49–64.
33. *Sittenlehre für Volksschulen; oder Lesebuch für unstudierte Leute über die Pflichten gegen Gott, und den Nächsten.* Stadtamhof: Daisenbergeschen Buchhandlung, 1808.

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть II

References

1. [Barsov A.A.] *Azbuka tserkovnaia i grazhdanskaia, s kratkimi primechaniiami o pravopisanii* [Church and Civil Alphabet, with Brief Spelling Notes]. Moscow: Imperatorskii Moskovskii Universitet Publ., 1768.
2. *Bukvar' iazyka slavenskogo* [Slavic Language Primer]. Lviv: Stavropigiiny Institut Publ., 1790.
3. Dobryak I.V. *Nravouchitel'naia literatura v Rossii rubezha XVII–XVIII vv.* [Didactic Literature in Russian at the Turn of the 17th – 18th Centuries]. St. Petersburg: SPbGMTU Publ., 2019.
4. [Ekaterina II]. *Rossiiskaia azbuka dlia obucheniia iunoschestva chteniiu, napечатannaia dlia obschestvennykh shkol po Vysochaischemu poveleniiu* [Russian Alphabet for Teaching Youth Reading, Printed for Public Schools According to the Highest Command]. St. Petersburg: Imperatorskaya AN Publ., [1782].
5. Korzo M.A. O formakh i sodержanii npravstvennykh predpisaniy v katolicheskoi nazidatel'noi literature rannego Novogo vremeni [On Forms and Content of Moral Precepts in the Catholic Devotional Literature of the Early Modern Time]. *Chelovek*. 2018. N 6. P. 114–129.
6. Kosheleva O.E. Svetskie i religioznyye komponenty v rossiiskoi uchebnoi literature epohi Prosvescheniia [Secular and Religious Components in the Russian Educational Literature of the Enlightenment]. *Zapadnoevropeiskaia i rossiiskaia uchebnaia literatura XVI – nachala XX vv.: konfessional'nyi aspekt* [Western European and Russian Educational Literature of the 16th – Early 20th Centuries (Confessional Aspect)], eds. L.V. Moshkova, V.G. Bezrogov. Moscow: Tsentr IET Publ., 2013. P. 191–216.
7. Kudryavtseva E.B. *Dlia serdtsa i razuma: Detskaia literature v Rossii XVIII v.* [For the Heart and Mind: Children's Literature in Russia of the XVIII Century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2010.
8. *Schkolnye posobiia rannego Novogo vremeni: ot Chasoslova k Orbis sensualium pictus. Kollektivnaia monografiia* [Schoolbooks of the Early Modern Times: from the Book of Hours to Orbis sensualium pictus. Collective Monograph], eds. K.A. Levinson, Yu.G. Kurovskaya, V.G. Bezrogov. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2017.
9. [Iankovich de Mirievo F.I.] *Rossiiski bykvar' dlia obucheniia iunoshestva chteniiu* [Russian Primer for Teaching Youth Reading]. St. Petersburg: P. Breitkopf Publ., 1788.
10. *Das ABC cum Notis variorum*. Leipzig; Dresden: J.Ch. Mieth, 1695.
11. Alderson B., de Marez Oyens F. *Be Merry and Wise. Origins of Children's Book Publishing in England, 1650–1850*. New Castle: OAK Knoll Press, 2006.
12. Alzheimer-Haller H. *Handbuch zur narrative Volksaufklärung. Moralische Geschichten 1780–1848*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004.
13. Barth S. *Jungfrauenzucht: Literaturwissenschaftliche und pädagogische Studien zur Mädchenerziehungsliteratur zwischen 1200 und 1600*. Stuttgart: M. & P. Verlag, 1994.
14. Burmann G.W. *Kleine Lieder für kleine Mädchen, und Jünglinge*. Berlin: G.I. Decker, 1777.
15. *Elementarz dla szkół parafialnych narodowych*. Kraków: Szkoła Główna Koronna, 1785.
16. *Elementarz dla uczenia młodzieży czytać po Rossyisku i po Polsku*. Berdyczów: Karmelici Bosi, 1797.
17. Galle A. *Populäre Moral der christlichen Religion*. Wien: s.n., 1813.

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть II

